

После краткого молчания по залу прокатился громкий шёпот. Никто не ожидал, что у актёра Шэня было такое прошлое.

□Да ладно, они и правда его родители.□

□Это супруги Герберт! В молодости они были известными французскими предпринимателями, их состояние достигало девятизначной суммы!□

□Вот теперь точно богатая семья.□

□Но актёра Шэня... усыновили, а потом от него отказались?»

Если всё действительно было так.

То даже посреди огромной бури ругани людям стало немного... жаль его.

Для ребёнка из приюта нет ничего страшнее, чем быть усыновлённым, а затем возвращённым.

Он думал, что наконец дождался смягчившегося божества, но в конце концов его снова вернули в холодную зимнюю ночь.

□Нет, вы слишком доверчивые.□

□Супруги Герберт настолько богаты. Даже если перестали его воспитывать, неужели могли оставить ни с чем? Шэнь Цзисин похож на человека, который когда-нибудь страдал?»

□Именно. Они уже отказались от него, а он всё ещё использует доброту супругов, чтобы спасти карьеру. Что у него на уме?»

□Стоило узнать, что с ним случилась беда, и супруги сразу прилетели в Китай, чтобы оправдать его.□

□Шэнь Цзисин, у тебя нет сердца.□

...

Фан Сыцянь посмотрел на комментарии трансляции. Уголки губ едва заметно поднялись.

Хотя процесс несколько отличался от его ожиданий.

Ему не удалось вывести настоящую причину отказа от усыновления.

Но результат всё равно его устраивал. Он с улыбкой протянул руку:

— Госпожа Герберт, позвольте помочь вам спуститься.

Госпожа Герберт незаметно уклонилась.

Она по-прежнему сохраняла привычное мягкое и элегантное выражение. Серые старческие глаза смотрели на китайского юношу.

— Дитя, ты неискренен.

Её мягкий голос походил на множество тонких игл.

— Неискреннему ребёнку не будет сопутствовать удача.

Улыбка Фан Сыцяня слегка изменилась.

Наверное, это было самое мягкое проклятие. Сейчас оно не могло причинить ему никакого вреда.

Но однажды среди ночи могло заставить задыхаться.

— Вот как? — Фан Сыцянь сделал вид, что поддерживает её на ступенях, а голос был пропитан ядовитой усмешкой. — Возможно, он ещё хуже меня.

Пусть его намерения действительно были нечисты.

Он хотел сорвать с того человека фальшивую маску и выставить всё под солнце.

Показать всем, какая отвратительная душа скрывается под ложной оболочкой одинокого высокомерного божества.

Словно тогда его прежнее восхищение могло окончательно испортиться.

И совершенно естественно превратиться в ненависть.

— Недостоин ты, а не он.

Госпожа Герберт разочарованно покачала головой. В её последних словах звучал сложный тяжёлый вздох:

— Он лучший ребёнок в мире.

Фан Сыцянь лишь холодно усмехнулся.

Вдалеке чёрные тучи опустились ниже, и в небе прокатился глухой гром.

Журналисты торопливо собирали оборудование.

Одна журналистка ответила на звонок:

— Что? Вы согласны дать мне интервью? Правда?.. Хорошо, хорошо, я подожду вас за сценой.

Фан Сыцянь, считавший себя победителем, направился к выходу.

Он не ожидал встретить за сценой одного человека.

Тот шёл к нему сквозь дождь под чёрным зонтом. Черты лица были чёткими и красивыми, словно тушь на бумаге. Капли падали на плечи и рассыпались мелкими кристаллами.

Он холодно поднял глаза.

Сердце Фан Сыцяня сжалось, и он невольно почувствовал вину.

У двери всё ещё стоял сотрудник YC. Он листал Weibo, не поднимая головы:

— No Entry, не понимаете?.. А-актёр Шэнь?

Он замер на две секунды, затем снова отставил мизинец:

— Даже вам нельзя...

— Связать его.

— Что?

Прежде чем сотрудник успел понять, сильная длинная рука резко оттащила его в сторону.

Перед ним появилось знакомое лицо. Пэй Мин холодно усмехнулся:

— Красавчик, ты мне давно не нравишься.

Позади раздались пронзительные крики.

Шэнь Цзисин прошёл мимо, не поднимая бровей, и сложил мокрый чёрный зонт.

Фан Сыцянь уже давно ждал его на месте.

— Давно не виделись, актёр Шэнь.

Сложив руки на груди, он спокойно поздоровался.

Теперь их положение изменилось. Ему больше не нужно было осторожничать перед этим человеком.

Шэнь Цзисин окинул его взглядом:

— Вы кто?

«...»

Фан Сыцянь сломался.

Увидев, как Шэнь Цзисин игнорирует его, словно воздух, он наконец не выдержал:

— Хватит притворяться. Ты наверняка в ярости, да?

Именно он стоял за всем этим.

Мелкий неизвестный артист, которого Шэнь Цзисин шесть лет топтал ногами.

Теперь он тоже мог одним движением уничтожить его.

Шэнь Цзисин посмотрел так, будто услышал неудачную шутку.

Он спокойно прошёл мимо. Холодный голос звучал как снег, сорвавшийся с утёса:

— Ты слишком много о себе думаешь. Ты не достоин моей ярости.

«...»

Фан Сыцянь смотрел, как он уходит к закулисы, и только тогда опустил скрещённые руки. Лишь сейчас понял, что сжимал кулаки до боли.

— Правда? — холодно усмехнулся он. — Не верю. Ещё посмотрим.

Шэнь Цзисина совершенно не интересовала церемония УС.

Он пришёл лишь ради супругов Герберт.

Перед тем как постучать, он услышал, как господин Герберт утешает плачущую жену:

— О, дорогая, не плачь... Ты не виновата. Тот ребёнок первым обманул тебя.

Шэнь Цзисин опустил глаза, но всё же постучал.

Старый Герберт открыл дверь:

— Кто... Nova?

После расставания они больше не встречались, но старый Герберт каждый год знал, как он выглядит.

Сначала просил людей узнавать новости, а потом им уже не нужно было спрашивать: его лицо появлялось на рекламных щитах.

Он вырос хорошо.

Старый Герберт хотел позвать жену, но госпожа Герберт уже подошла к нему.

— Nova...

В её серых глазах стояли красные слёзы, словно она хотела сказать очень многое.

Но с губ сорвалось лишь:

— Ты будто похудел...

Шэнь Цзисин мягко опустил глаза и слегка улыбнулся:

— Возможно.

Он вошёл, поставил чёрный зонт у стены и посмотрел в её неотрывный взгляд:

— Почему не предупредили, что приехали в Китай? Удобно ли вам в гостинице?

— Большинство гостиничных простыней делают из смесовой ткани с полиэстером, а у вас аллергия на этот материал. Когда будете ночевать...

Шэнь Цзисин не успел договорить.

Его крепко обняли.

— Nova, — госпожа Герберт всхлипнула и прижала его к себе, голос был полон вины. — I'm sorry... Я не знала, что всё так получится.

Шэнь Цзисин помолчал две секунды и обнял её в ответ.

От неё по-прежнему пахло тёплой приятной лавандой. Старый Герберт знал, что жена любит фиолетовые цветы, и собственноручно вырастил для неё целое лавандовое поле.

— Ничего страшного, — сказал он.

Старый Герберт молча смотрел на них. Сердце защемило.

Он всё такой же послушный.

Тихий, разумный и хороший.

Кожа белая, как первый снег, глаза глубокие и красивые, словно чёрный обсидиан. Он осторожно держал игрушечную звезду и смотрел на них.

Слушал, как они описывают его будущее.

Снежной зимней ночью они разожгут камин, и поленья будут потрескивать в тепле. Санта-

Клаус пролетит мимо окна на санях и оставит множество разноцветных подарочных коробок.

— Вот таких!

Молодой сереброволосый мужчина словно по волшебству достал из-за пазухи несколько ярких коробочек.

— Но сначала Нова должен съесть курицу, которую приготовила мама!

Взгляд черноволосого мальчика застыл. Огонь плясал в его глазах.

...Мама?

Возможно, из-за детской застенчивости тогда он не смог произнести это слово.

А потом больше никогда не получил такой возможности.

Мальчик отказался от маленького костюма в английском стиле и снова надел белый вязаный свитер, в котором приехал. Всё так же сжимая жёлтую игрушечную звезду, он сидел в машине, не плакал и не капризничал.

Перед отъездом.

Он посмотрел через окно на виноватых супругов с покрасневшими глазами и пожелал им благополучия с древней китайской романтичностью:

— Пусть каждый год проходит без бед, а жизнь всегда будет спокойной и счастливой.

Каждый год — мирно и радостно, без болезней и несчастий.

<http://bllate.org/book/18438/1762233>